

М.К.Сембинов –
профессор КазНПУ им.Абая

«ВОЙНЫ ПАМЯТИ» ИЛИ БОРЬБА НАУЧНОГО КОНФОРМИЗМА

Трансформация современного исторического познания во многом связана с политическими процессами последних десятилетий, которые бурно развиваются на евразийском пространстве.

Именно события политической истории, образование новых независимых государств, их суверенизация и интеграция в мировое сообщество вызвали особый интерес нарождающихся политических элит к истории, сделав ее вполне осязаемым инструментом в решении текущих задач как внутренней, так и внешней политики.

Спектр этих задач может варьироваться от конкретной политической обстановки, но главными и неизменными из них остаются, на наш взгляд, следующие:

- внутриобщественная консолидация общества;
- выбор приемлемой идеологии;
- определение места и роли в региональном и мировом сообществах;
- поиск легитимности и самоидентификации в прошлом.

На переломном этапе, когда новая власть уже почувствовала свою непоколебимость, когда приходит время решать задачи созидания, а не разрушения старого порядка, когда начинается период особых отношений власти с интеллектуальными элитами, перед ней ставится задача создать образ правильно выбранного пути необходимой реальности, которая и свершилась, благодаря некой «правильной» логики развития истории.

Можно сказать, что дальнейшая работа по поиску исторических парадигм - это работа по обоснованию правильности той исторической логики, которая и привела к текущей реальности.

Именно в это время, с точки зрения конфликтогенеза, главную скрипку начинает играть интеллектуальная элита, которая рекрутируется властью для решения означенных фундаментальных задач. Перед научным историческим сообществом возникает проблема нравственного выбора, и от того, какую позицию она займет, во многом зависит проблема политической вменяемости и адекватности власти.

Современная политическая ситуация на евразийском пространстве характеризуется, при всех позитивных изменениях, крайней нестабильностью режимов, возникших на просторах бывшего Советского Союза. Многие страны региона до сих пор еще не

определились как с выбором экономической модели, так и с политическими ориентирами. Несмотря на то, что все они продекларировали себя как приверженцы западной демократии, спектр политических режимов в большинстве из них варьируется от крайне авторитарных до квазидемократических, с непременно высоким уровнем этноцентризма и этнонационализма. Всем им присущи такие общие для всех черты, как имитирование демократии с неизменным стремлением создать по возможности моноэтническое государство. И надо отметить, что именно в это время интеллектуальные элиты в новых независимых государствах оказались не на высоте своего, если можно так сказать, общественного предназначения и сразу же заняли свою нишу по обслуживанию интересов именно политических элит.

Профессор В.А.Шнирельман предельно точно охарактеризовал это превращение в своем выступлении: «...Падение коммунистической власти и распад СССР привели к появлению новых государств, унаследовавших у советского государства принцип этнонационализма. Иными словами, теперь власть в них стала выступать от имени доминирующего этноса, и тотчас же возникла проблема этнических меньшинств, в той или иной мере ощущающих свою дискриминацию. Это и создало почву для того, что сегодня называется этническими конфликтами. Отсюда вторая сложность: облик официальной истории определяется интересами тех, в чьих руках находится власть, т.е. тех, кто выступает от лица доминирующего большинства («титულიной нации»), от имени которого и пишется история».¹

И надо отметить, что все это в той или иной форме многократно повторялось на протяжении всей истории возникновения и существования национальных государств и свойственно не только странам, образовавшимся на осколках советской империи. Они только повторяют во многом тот путь, который прошли страны, получившие независимость, по крайней мере, после второй мировой войны, это и Израиль, и большинство государств Арабского Востока, Азии и Африки. Отличие может быть только в том, что современный период отличается наибольшим влиянием этничности и религиозности на международные процессы. Процессы, происходящие в них, во многом субъективны, то есть в большей степени зависят от таких моментов, как компетентность власти, помноженная на традиции восточного патернализма и деспотизма, особенно иллюстрируемого в некоторых государствах Кавказа и Центрально-Азиатского региона.

Можно также проследить, как происходит процесс «национализации» истории в постсоветских государствах, которые, по меткому выражению Марты Олкотт, успешно «катапультировали» в

независимость. Именно в этот период гуманитариям в этих новых независимых государствах представился уникальный шанс проявить себя в открытии новых фактов и целых исторических сегментов. Именно с обретением независимости, там, где раньше во времена Союза эти факты представлялись в виде исторических версий, порой мало подтвержденных какими-либо конкретными аргументами, теперь становятся истиной, не вызывающей сомнения. Чем это объясняется?

Можно предположить, что в основе этого лежит целый комплекс причин, который условно можно назвать научным конформизмом, подпитываемым все тем же этноцентризмом. Надо сказать, что традиции научного конформизма были заложены еще в период существования советской системы, и это явление свойственно и отдельным западным ученым, особенно ярко это проявилось в период холодной войны. Да и сейчас чего стоят последние пассажи украинского руководства с его стремлением придать голодомору 1932-1933 годов на Украине черты геноцида сталинского руководства по отношению только к украинцам, всевозможные теории оккупации и геноцида, абсурдность которых наглядно продемонстрирована в Грузии, где находится в данный момент и музей оккупации, и памятник И.Сталину, самому жестокому советскому диктатору.

С процессами обретения и развития независимости стали происходить процессы «этнизации» исторической науки (если так можно выразиться). Главные усилия научная элита этих стран направила, по вполне обоснованному замечанию профессора В.А.Шнирельмана, именно на проблему легитимизации этнонационального государства.

«...Легитимация этнонационального государства требует доказательства длительной связи этнических предков с его территорией. Можно, однако, не согласиться с тем, что потомкам кочевников много труднее опираться на такой аргумент, чем потомкам земледельцев. Следы деятельности земледельцев обнаружить легче, и их культурные достижения (архитектура, искусство, ремесла, памятники письменности) оказываются не в пример более выразительными. Кроме того, их культурные памятники маркируют строго ограниченную территорию, которая считается по праву принадлежащей их потомкам и легитимирует «национальное государство». Поэтому предки-земледельцы традиционно ценятся выше, чем предки-кочевники. Вот почему у некоторых потомков кочевников (туркмен, азербайджанцев, турков) отмечается тенденция подчеркивать свою связь с теми предками, которые были оседлыми земледельцами, и преуменьшать роль предков-кочевников...».²

К этому можно только добавить то, что эти процессы, скорее всего, проявились в каждом из новых государств по-разному и, может быть, не так прямолинейно, как это видится профессору В.А.Шнирельману.

В Казахстане, к примеру, следов кочевников в виде могильников саков, сарматов, уйсуней, хуннов, тюрок гораздо больше, чем где бы то ни было, что связано, прежде всего, с той экологической нишей, которую они традиционно занимали, благодаря особому хозяйственному укладу - кочевому скотоводству (Аридная зона степей). И потому поиск следов городской культуры не связан с маркировкой этнонационального государства, которое и без того само по себе промаркировано и следами номадов (курганы, стелы), а, скорее всего, это связано с попыткой «окультурить», возвысить своих мнимых и не мнимых предков. Что само по себе тоже вызывает много вопросов.

В казахстанской историографии цивилизация номадов является одной из самых изучаемых тем, а сам исторический образ номадов наделяется самыми превосходными чертами и в какой-то степени даже идеализирован. Одна из самых распространенных мифологем состоит в том, что именно номады основали большинство правящих династий Ближнего и Среднего Востока в период Средневековья. А в большинстве своем казахи оставались кочевниками вплоть до начала XX века, и именно они несут дух воинственности и доблести этих династий.

Вообще в среде казахов, как отмечали ранние авторы еще в XIX в., отношение к оседлому населению было несколько презрительным. Как отмечал в свое время профессор Н.Е.Масанов, казах, который по каким-либо причинам покинул свой кочевой род и осел в городе, будь то Туркестан, Ташкент или Ак-Мечеть, родичи презрительно именовали сарт (торговец, или торгаш).

Относительно тех рекомендаций, которые постарался представить В.А.Шнирельман, хотелось бы также высказать свое мнение. Его предложение относительно возможности «...укоротить исторический нарратив, чтобы избежать мифотворчества, а именно не искать этнических предков в первобытности и не доводить историю до самого последнего года. Первое, чтобы не создавать миф о далеких предках (ведь, сколь бы надежными нам ни казались археологические и лингвистические реконструкции, они все равно остаются реконструкциями), а второе, чтобы не искажать историю путем прославления нынешней власти...»³.

На наш взгляд, это предложение может быть реализовано только там, где существуют реальные позиции для проведения общенационального диалога, где этнонационализм не пустил свои

глубокие корни в общественном сознании. Но если говорить о реальном положении вещей, то практически везде, начиная от Прибалтики и Грузии, постоянно позиционирующих себя как очаги либеральной демократии европейского образца, и заканчивая Таджикистаном, можно наблюдать триумфальное шествие этноцентризма и этнонационализма. И формирование в них гражданского общества можно рассматривать как некий идеал в достаточно отдаленной перспективе. Да и можно ли ожидать от них чего-то еще, когда во всем мировом сообществе не все так идеально, как бы нам хотелось представить. А это тот исторический фон, на котором и шел процесс образования государств на постсоветском пространстве.

Примером для них могут служить и государства, получившие независимость или создавшие свою государственность и на более раннем этапе. Израиль, Иран, например, с полным основанием можно назвать этноконфессиональными государствами, где этнонационализм имеет жесткие формы самовыражения. Франция, где этнические меньшинства на протяжении продолжительного времени так и не смогли интегрироваться в общественные структуры. Греция, Турция и целый ряд других государств также являются для политических и научных элит СНГ тем отрицательным примером, который диктует их политическим элитам общепризнанную норму поведения по принципу «почему им можно, а нам нельзя».

И во главе этого процесса осмысления существующей реальности стоит, прежде всего, научная элита, в большинстве своем состоящая из представителей титульной нации, которая и призвана властью для решения вопроса ее легитимации. Именно она и организует этот поиск в глубоком историческом прошлом. Именно по этой причине везде можно зафиксировать триумфальное шествие этнонационализма, с его полным игнорированием прав инонациональных групп на создание своей истории. И поэтому предлагать ей лишиться этой любимой игры по поиску великого исторического прошлого, по меньшей мере, не реально. Поэтому это предложение еще долгое время не получит своего практического воплощения.

Второе предложение, которое было озвучено на конференции уважаемым профессором В.А.Шнирельманом, сводится к тому, что «можно отказаться от идеи непрерывной исторической преемственности и подчеркивать прерывистость в истории, чтобы не создавать миф о полной неизменности этноса во времени (по этому пути еще в 1980-х гг. пошла Ирландия)».⁴

И это предложение, как и первое, упирается, по нашему мнению, в некую стену в сознании, в основе которого лежит симбиоз

«этнического нарциссизма» и «научного конформизма», который бьет в глаза на протяжении всего постсоветского развития новых независимых государств. Этноцентризм, певцами которого и выступает научная элита титульной нации, приносит ей огромные материальные и моральные дивиденды, становится главным побудительным импульсом в создании именно непрерывной истории, чтобы доказать закономерность, естественный итог всего исторического развития этнической государственности.

Деятельность же отдельных представителей научной элиты нетитульной нации направлена на то, чтобы как можно ярче показать свою лояльность и приверженность той исторической парадигме, которая наиболее приемлема Власти. (Попробуй, не согласишься или оспоришь мнимые истины, утвержденные высшей государственной бюрократией с ее абсолютным административным ресурсом.)

Комментируя следующие пункты рекомендаций, «...следует раскрывать учащимся особенности мифа о якобы целостном национальном организме и показывать сложный гетерогенный состав современных наций.

При этом следует объяснять, что политическому (государственному) единству граждан вовсе не противоречит культурное и конфессиональное многообразие. И этничность не является главным фактором исторического развития. Напротив, нации стали возникать лишь в Новое время, а этнический фактор приобрел политическое значение сравнительно недавно. Нельзя ограничиваться историей титульного народа, а нужно давать представление об истории всего общества, включая этнические меньшинства; нужно показывать, что их представители тоже участвовали в развитии данного общества и государства. Примеры этому всегда можно найти. Ведь игнорирование меньшинств ведет к их отчуждению от доминирующего общества и развитию у них чувства маргинальности и ущербности»⁵. Можно сказать, что хотя они и отражают общие черты тех процессов, которые идут в исторической науке на постсоветском пространстве, но в каждой из стран есть и свои особенности.

Политическая ментальность, заложенная многими поколениями, здесь играет отнюдь не последнюю роль. В государствах Центральной Азии и Кавказа она на сегодня варьируется от компетентной власти, способной адекватно воспринимать современные реалии до Власти мерзавцев, расстреливающих свой народ из пулеметов, и воспринимающей политические традиции восточной деспотии как единственно правильный метод решения всех политических проблем.

Если «умная» или более компетентная Власть в новых независимых государствах стремится решать проблему

внутриобщественной интеграции в том числе и с помощью написания истории и малых народов (особенно это наблюдается в тех государствах, где этнодемографический состав населения наиболее многообразен), предпочитая в данном вопросе учиться на горьком опыте других, то там, где этническое большинство титульной нации является подавляющим, а национализм имеет традиционно грубые, я бы даже сказал, пренебрежительные формы самовыражения по отношению к этническим меньшинствам, эту проблему просто стараются не замечать или сознательно игнорируют. И здесь вина в большей степени ложится не на политические элиты, а именно на сообщество историков и обществоведов. Примеров тому масса.

В Казахстане, несмотря на большое количество проблем во внутренней политике, политический лидер прекрасно понимает это, и сегодня среди политических институтов общества действует Ассамблея народов Казахстана, которая имеет право избирать из своего состава депутатов Мажилиса (Парламента), существует уже курс «История малых народов Казахстана», который изучается в рамках школьной программы на уровне факультатива, указом Главы государства Провославная пасха и Курбан–Байрам учреждены как выходные дни, среди официальных праздников 22 сентября объявлен днем языков народов Казахстана. В соседних Узбекистане, Кыргызстане, Таджикистане, не говоря уже о более продвинутых в плане проведения демократических реформ Азербайджане, Армении и даже Грузии и Украине, этот вопрос только начинает получать кое-какие зримые формы развития.

Понимание этой проблемы у научной элиты вышло на уровень только того, что они переводят официальный курс истории государства (а это, в основном, история титульной нации) на языки этнических меньшинств. Чем это можно объяснить?

Этнонационализм, получивший наибольшее развитие именно в период Советского Союза, имел специфическую особенность прикреплять этносы к определенной территории, что в большей степени закрепилось в массовом сознании и воспевалось интеллектуальной элитой в союзных республиках, что в какой-то степени блокировало унитарные устремления центра, но именно это, в конечном счете, и привело к распаду СССР. Понимая это, научная элита в новых независимых государствах постаралась вообще забыть о правах национальных меньшинств, чтобы обезопасить титульную нацию от национальных проблем, этнического сепаратизма.

Относительно школьных учебников в этих странах, можно заметить, что действия этнонационалистов направлены именно на то, чтобы показать, помимо прочего, этническую чистоту формирующихся наций. Они сознательно стараются лишить

отечественную историю, в том числе и в учебниках для школ, любых упоминаний о достижениях в труде или борьбе представителей нетитульных наций, представив галерею героев только, в основном, из представителей этнического большинства.

Комментируя следующую рекомендацию, «не следует замалчивать альтернативную историю, нужно давать представление об историческом дискурсе и о вариативности исторических моделей. Такой подход способен научить школьников самостоятельно думать и оценивать сложные ситуации. Делая акцент на человека, он поставит перед ними проблему выбора и поднимет важные этические вопросы»⁶. Хочется отметить, что большой проблемой для средней школы в большинстве ННГ является то, что она не допускает плюрализма, и это также можно рассматривать как атавизм советской системы, и традиционного этатизма вообще, от которого сложно отказаться постсоветским политическим режимам, в большинстве своем сознательно копирующим выгодный для них советский опыт, так как любое разномыслие вызывает у них аллергию (не надо забывать, что на кону уже несколько новых «демократических» династий по примеру Азербайджана, а мы тут говорим о какой-то альтернативной истории).

Вполне справедливы, на наш взгляд, рекомендации относительно того, что «...не стоит замалчивать неприятные моменты истории, так как в противном случае о них все равно напомнит социальная память или альтернативная история. Следует, напротив, внимательно анализировать и объяснять суть таких исторических событий. На этих примерах можно учить школьников ответственности перед обществом». В то же время авторы школьных учебников неизменно будут поставлены перед дилеммой дозирования информации: или писать о той жестокости, которая имела место в период гражданской войны, межэтнических столкновениях или, исходя из интересов гражданского мира, проигнорировать их.

Вполне обоснованны опасения профессора В.А.Шнирельмана относительно «использованию национальной истории для решения актуальных политических задач. Например,- пишет он- сегодня в Украине в интересах текущей политики проводится кампания репрезентации голодомора как «геноцида украинского народа». Но в Казахстане, где в начале 1930-х гг. из-за непродуманной политики седентаризации погибли более 1 млн кочевников, политики избегают придавать этому такое же значение. Иными словами, в разных контекстах политики по-разному относятся к актуализации истории: где-то они этим откровенно пользуются, а где-то стараются избегать»⁷.

Касаясь этих замечаний и рекомендаций, которые, безусловно, отражают реальную обстановку в историографической среде в постсоветских государствах, хотелось бы обратить внимание на наличие некой политической и даже геополитической конъюнктуры, которая незримо присутствует в тех государствах, которые начали свое самостоятельное развитие с полного отказа от советского прошлого или отказа от критического его восприятия.. Стремление любой ценой понравиться Западу толкает их порой на безрассудство не только в политике, но и в переоценке истории, отсюда и махровая русофобия, ксенофобия, отсюда и попытки репрезентации голодомора, и теории оккупации, попытки пересмотра итогов второй мировой войны и объявление одной трети вполне лояльного населения - негражданами, отсюда и «демократический» обстрел системами град мирного населения Цхинвали и т.д. С другой стороны воинственное, ревнивое отношение к проявлениям какой либо самостоятельности.

С сожалением можно отметить, что манипулирование историческими фактами на сегодня становится повседневным явлением, а школьные учебники истории становятся неотъемлемой частью глобальной информационной войны, которая постоянно идет между региональными и мировыми державами.

Самой большой проблемой современного исторического познания является, на наш взгляд, преодоление стереотипов и комплексов «холодной войны» или «амбразурного» мышления, особенно проявляющихся при рассмотрении исторических сегментов новейшего времени.

¹ Доклад профессора В.А.Шнирельмана «Школьные учебники и национализмы в Центральной Азии и на Кавказе» на конференции «Войны памяти». Взаимосвязь школьных учебников и конфликтов в Центральной Азии, Южном Кавказе и в Молдавии в постсоветский период.

² Там же

³ Там же

⁴ Там же

⁵ Там же

⁶ Там же

⁷ Там же